

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО АРХИВА КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УрО РАН О МАРРЕ И МАРРИЗМЕ В КОМИ

Т.А. Малкова (Сыктывкар)

Влияние идеологических установок на развитие науки наглядно демонстрирует разгромная кампания в советском языкознании, связанная с «новым учением о языке» акад. Н.Я. Марра. В фондах Научного архива Коми научного центра УрО РАН имеется несколько дел, относящихся к событиям 1948–1950 гг. и связанных с «новым учением о языке». Это протоколы заседаний Института языка и мышления АН СССР, Ученого совета Научно-исследовательской базы АН СССР в Коми АССР, Ученого совета Коми филиала АН СССР, сектора языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, а также доклады коми языковедов, фольклористов, историков по данной тематике.

В истории советского языкознания особое место занимает Николай Яковлевич Марр – археолог и лингвист, выдвинувший в 1923 г. общелингвистическое «новое учение о языке». Согласно этому учению язык – надстроечная категория и классовое явление. Это учение выдвигало концепцию единого языкотворческого процесса развития всех языков мира и их стадийную классификацию. Сравнительно-исторический метод в языкознании Марром отрицался как формальный. В 1930-е гг. марризм превращается в теорию, официально объявленную «единственной марксистской». Началось искоренение всех направлений в языкознании, не соответствующих «новому учению о языке». Сравнительно-историческое языкознание было объявлено методологической основой одновременно национал-уклонизма и великодержавного шовинизма. Началась травля видных ученых, не считавших учение акад. Марра научным. Под грузом обвинений, преследований происходит, по мнению исследователя В.М. Алпатова, так называемое вращение в марризм многих талантливых ученых (БСЭ: 375–376).

Некоторые установки этого учения напрямую касались финно-угроведения, а отсюда и развития языковедческой науки в Автономной области Коми. В многочисленных поездках по союзным и автономным республикам, где не было научных школ и традиций, Н.Я. Марр вербовал сторонников, обычно из числа представителей коренных национальностей. Он писал: «Яфетидологические работы находят широкое гостеприимство, печатаются с любовью в Дагестане, Абхазии, Чебоксарах у чувашей, молодом Азербай-

джанском университете..., в свежей среде намечающихся к самоисследовательской научной организации молодых, пока разрозненных сил и во Владикавказе, в Осетии и в Усть-Сысольске, у коми и т.п. » (Алпатов 1991: 56, 63).

«Новое учение о языке» — марризм, в 1930 — 1940-е гг. прошло по судьбам многих ученых не только Москвы и Ленинграда, но и периферийных научных центров. Причем пострадали многие ученые, которые казались и сторонниками марризма. В этом отношении интересна судьба ученого-языковеда Алексея Семеновича Сидорова, в трудах которого в 1930-х гг. заметно влияние идей акад. Н.Я. Марра. По мнению языковеда Е.А. Цыпанова, теория Н.Я. Марра привлекла А.С. Сидорова тем, что тесно связывала развитие языка с развитием общества, призывала исследовать «малые языки» (такие, как коми), ускорить их развитие, подтянуть их до уровня «цивилизированных» языков (Жеребцов, Рожкин 2006: 65).

После смерти Н.Я. Марра для его последователей была важна декларативная часть его работ, а не фактическое содержание его «нового учения о языках». В 1940-е гг. наступил второй мрачный период в истории советского языкознания, связанный с общим наступлением на науку и культуру в СССР, который начинался в 1946 г. с постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». К обвинениям 1930-х гг. добавляется термин «космополитизм». Уже в 1947 г. на заседаниях Базы АН СССР в Коми АССР критике подверглись языковеды А.И. Подорова, А.С. Сидоров, Н.А. Колегова, которые, якобы, «без надлежащей критики» перечисляли «достоинства работ в области изучения коми языка немецких и финских лингвистов», а также «откровенно восхваляли работы Видемана, Вихмана и др.» (Док. 2009: 217–218). А после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. началась планомерная борьба с учеными, выходившими в своих исследованиях за пределы установленных догм. Сотрудники сектора языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР были вынуждены пройти через «жернова» марровского «учения о языке» и последовавшим за ним его разоблачением. Все эти дискуссии, пересмотры уже написанных или опубликованных работ, отсрочки публикаций и защиты диссертаций задерживали творческий процесс, ставили ученых перед выбором: признать и покаяться или бороться. Рассмотренные материалы научного архива показывают, как одни ученые сдавали позиции, другие — искали компромиссы, третьи — пытались бороться.

22 октября 1948 г. на совместном заседании Ученых советов Института языка и мышления и Ленинградского отделения Института русского языка последователями Марра было заявлено о том, что «новое учение о языке» Марра, «основанное на марксистско-ленинской методологии», снова становится общей и единственной научной теорией для всех лингвистических дисциплин. Основной упор делался на идейно-политическом значении деятельности Н.Я. Марра. Как указывает В.П. Алпатов, самым трагическим эпизодом проработочной кампании стала травля Д.В. Бубриха, выдающегося финно-угроведа, в годы Великой Отечественной войны работавшего в Коми АССР и внесшего огромный вклад в развитие языкознания в республике.

В 1948–1950 гг. именно с именем Д.В. Бубриха были связаны все разоблачительные заседания Института языка и мышления АН СССР, Ученого совета Коми филиала АН СССР. Д.В. Бубрих причислялся к индоевропейцам, на работах которого «революция никак не отразилась», но, начиная с работ 1935 г., он начал сближаться с марризмом, однако в 1940-е гг. под прикрытием цитат из Марра Бубрих вернулся к сравнительно-историческому языкознанию. Поэтому все обсуждения сводились к противопоставлению «нового учения Марра» и индоевропеизма Д.В. Бубриха. При анализе документов видно, что дискуссия, разгоревшаяся как в центре, так и в Сыктывкаре, показывает, в первую очередь, не всегда полное понимание самого «нового учения о языке», так как в выступлениях ученых часто анализ собственного исследовательского материала подгоняется под данную теорию, т.е. происходило так называемое «врастание в марризм» (Алпатов 1991: 158-159).

18 мая 1949 г. состоялось объединенное заседание секторов общего языкознания и финно-угорских языков Института языка и мышления, где Д.В. Бубриха клеймили за индоевропейское языковедение с признанием праязыка. С обвиняющим докладом «О формализме и идеализме в советском финно-угроведении» выступил удмуртский ученик Д.В. Бубриха В.И. Алатырев. По докладу состоялись прения, где мнения разделились, и часть ученых выступила в защиту Д.В. Бубриха. Коми ученых представлял фольклорист Ф.В. Плесовский, разрабатывающий на основе сравнительного анализа проблему «Фольклор народов пермской группы восточных финно-угров». Свои сомнения он выразил следующим образом: «Я не лингвист, я фольклорист, и фольклор без лингвистики, в отрыве от нее просто невозможно изучать. Учение Н.Я. Марра имеет колоссальное значение и для фольклористики. Но тут не все ясно. Морфология показала, что контакт существовал между удмуртскими и коми и некоторыми чувашскими народами. В связи с этим, если говорить, что сюжеты самозарождаются, как объяснить, что некоторые сюжеты у карелов и коми сходны с сюжетами удмуртскими. Объяснить это самозарождением невозможно. Следовательно, был какой-то контакт» (НА 1: 73–74).

В Сыктывкаре события для Д.В. Бубриха разворачивались не менее трагично. В Коми Базе АН СССР на различных заседаниях регулярно поднимались вопросы, связанные с «космополитическими извращениями». Так, 27 мая и 2 июля 1949 г. вопросы «О некоторых космополитических извращениях сталинского учения о нации в области изучения истории, языка и литературы народа коми», о «методологии изучения истории и языка народа коми» обсуждались на расширенных заседаниях Ученого совета Базы, где также присутствовали руководящие работники партийных и советских органов Коми АССР. Зам. директора Базы Н.И. Шишкин констатировал: «Хотя сейчас Бубрих на словах и признает новое учение о языке, но на деле он плетется за буржуазной школой языкознания, которой язык рассматривается «в самом себе и для себя», а в работе «Происхождение речи и мышление» в главе «Наши расхождения с акад. Н.Я. Марром» Бубрих «выступает про-

тив основ материалистического языкознания, пытаясь оспаривать давно открытую Энгельсом и развитую Марром в языкознании трудовую теорию происхождения человека, мышления и языка». На заседаниях Ученого совета начались нападки и на историческую науку: в выступлениях указывалось на недостатки в работе по вопросам истории народа коми: изучение истории «...находилось на низком теоретическом уровне, допускались методологические ошибки в исследованиях». Выступление историка П.Г. Доронина, пытавшегося изложить свою точку зрения на обсуждавшиеся вопросы, было признано «попыткой притупить остроту поставленного вопроса борьбы с космополитизмом, идеалистическим языкознанием и буржуазной историографией». Хотя сам П.Г. Доронин в своем выступлении совсем не казался сторонником Д.В. Бубриха, заявив: «...к сожалению, мне кажется, большинство выступающих критиковали Бубриха с точки зрения выявления ошибок более второстепенного характера и меньше останавливались на вопросе праязыка, что является корнем всех ошибок Бубриха» и «...его терминология: «контакт», «древний язык угро-финнов» есть «праязык» в завуалированной форме». Как отмечает историк И.Л. Жеребцов, суть заседаний сводилась к тому, что «финно-угроведение – это реакционное, антинаучное учение», а видный советский языковед Д.В. Бубрих «является духовным отцом этой лженауки» и воспитывает соответствующим образом и коми ученых А.С. Сидорова, Н.А. Колегову, А.И. Подорову, П.Г. Доронина и других, в работах которых имеются «серьезные идеологические ошибки». Ученый совет принял постановление, которое требовало кардинального пересмотра планов работы сектора языка, литературы и истории, программ и учебников коми языка. Ученых призвали «без колебаний отмежеваться от ненадежного попутчика проф. Бубриха и вернуться к своему учителю акад. Н.Я. Марру и его материалистическому учению о языке и мышлении». В своих выступлениях коми языковеды (ученики Д.В. Бубриха) под таким мощным натиском администрации и наученные горьким опытом, отказывались от научных идей своего учителя и были вынуждены «признать ошибки». А.С. Сидоров, испытавший за свою жизнь немало проработок, переживший арест и ссылку, в 1940-е гг. старался, по крайней мере, внешне быть лояльным к Марру и марризму, о чем свидетельствуют его выступления по вопросам языкознания. Нераскаившегося П.Г. Доронина вынудили уйти по собственному желанию «в связи с несоответствием должности и отсутствием практических навыков в научной работе» (НА 2: 133–134; 129, 160).

21 июля 1949 г. Президиум АН СССР принял постановление «О современном положении в советском языкознании и мерах улучшения языковедческой работы в Академии наук СССР», в котором прозвучала резкая критика в адрес многих ученых, в том числе и акад. Д.В. Бубриха, не поддерживающих учение акад. Марра (НА 3: 7).

В начале 1950 г. прошли мероприятия, посвященные 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти акад. Марра: сессия Академии наук, где большое число содокладов ученых с периферии было посвящено тематике

«Марр и развитие языка», а также юбилейные сессии на периферии, в том числе в Коми филиале. А.С. Сидоров выступил с докладом «Новое учение о языке Н.Я. Марра в свете диалектического и исторического материализма», начав с того, что: «Новое учение о языке, основоположником которого был Н.Я. Марр, является синонимом советского языкознания». Не забыл он в очередной раз упомянуть индоевропеизм Д.В. Бубриха: «Одной из причин отставания исследовательской мысли в Коми АССР от требований жизни было влияние не изжитых методологических пережитков индоевропеизма, направляющих исследовательские интересы в ложном направлении. Значительная роль в этом деле покойного Д.В. Бубриха» (НА 4: 24а).

В период практически полной победы сторонников теории Н.Я. Марра, 6 мая 1950 г. газета «Правда» объявляет: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Правоту «нового учения о языке» отстаивали И.И. Мещанинов, Ф.П. Филин, им оппонировали противники марризма А.С. Чикобава, Б.А. Серебренников, Г.А. Капанцян. Эта дискуссия закончилась 20 июня 1950 г. статьей И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой марровский миф был в одночасье развеян. Было сказано: «Н.Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н.Я. Марра». Сравнительно-исторический метод был оценен положительно. Как утверждает В.М. Алпатов, «позитивная сторона работы Сталина была в том, что стало возможным возвращение к той лингвистике, которая существовала до победы «нового учения о языке». Были сняты, наконец, хотя и не полностью, запреты, установленные последователями марризма, прежде всего на изучение родственных связей языков», что особенно было актуально для финно-угроведения (Правда 1950; Алпатов 1991: 189).

Летом и осенью 1950 г. окончательному выяснению значения «нового учения о языке» Марра и его разгрому были посвящены многие заседания и мероприятия, в том числе и в Сыктывкаре. Многие ученые, как немарристы, так и мнимые марристы, которых было большинство, с большой радостью встретили окончание этого длительного противостояния. Первоначально новую позицию коми языковедов озвучил на заседании сектора языка, письменности и истории Коми филиала АН СССР 14 июля 1950 г. зав. сектором А.М. Мишарин в докладе «Итоги дискуссии по вопросам языкознания и наши задачи»: «Языковедческая дискуссия, особенно руководящее и решающее в ней участие, которое принял в ней И.В. Сталин, знаменует собой новую эпоху в языкознании. ... Основной дискуссионный вопрос: «С Марром или без Марра идти дальше в разработке общих вопросов языкознания» был решен определенно и бесповоротно – без Марра. Методологические основы

общего учения о языке Н.Я. Марра оказались идеалистическими, односторонними, левацкими, антимарксистскими. ...В результате Сталинского анализа оказалось, что не только акад. Н.Я. Марр не был в состоянии овладеть марксизмом в языкознании, но и все остальные языковеды, совместно с философами, разделяли неверный исходный методологический принцип – представление о том, что язык есть идеологическая надстройка над экономическим базисом, и направляли свое исследование по неправильному пути». Далее он призвал усилить коллективные формы работы и пересмотреть «исследовательскую продукцию прошлых лет с точки зрения избежания теоретических ошибок и исправления возможного влияния немарксистских установок ак. Н.Я. Марра» (НА 5: 1, 2, 3, 14). А.С. Сидоров в сокладе говорил о многолетнем принудительном насаждении теории Н.Я. Марра в работу сектора языка, литературы и истории.

28–29 июля 1950 г. прошло заседание Совета при Президиуме Коми филиала АН СССР, посвященное итогам свободной дискуссии по языкознанию и задачам филиала в свете статей И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и «К некоторым вопросам в языкознании». Соглашательская позиция как руководства Коми филиала, так и коми языковедов была выражена словами зав. сектором языка, литературы и истории А.М. Мишарина: «Мы беспрекословно и, не вдаваясь в суть дела, проводили ошибочные, как теперь признано после сталинских указаний самим Президиумом Академии наук СССР, его решения и указания по вопросам советского языкознания и по отношению к марровскому «новому учению» о языке...» (НА 6: 103).

В первом полугодии 1950 г. гуманитариями Коми филиала АН СССР был подготовлен сборник статей, посвященный «новому учению о языке «Н.Я. Марра, который в результате новых указаний так и не вышел. Д.В. Бубриха снова объявили «правильным» ученым и призвали учиться у него. От сотрудников сектора в очередной раз потребовали признать свои ошибки и откеститься от марровского «нового учения о языках», что они и сделали. Но, как отмечает историк И.Л. Жеребцов, «...они при всех «коренных перестройках» гуманитарной науки всегда стремились к тому, чтобы в их трудах был изложен добротный научный материал, который отражал суть и значение исследовавшихся ими явлений и процессов независимо от того, какие цитаты – за Марра или против – требовалось привести в начале любой работы» (Жеребцов, Рожкин 2006: 111).

Литература и источники

- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.
- БСЭ* – Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. 1954. Т. 26.
- Док. – 4.* Документальная история Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Коми филиал АН СССР в 1944–1965 гг. Сыктывкар, 2009. С. 217–218.
- Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар, 2006.

- НА 1 – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 111. Л. 73–74.
 НА 2 – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 133–134; Ф. 1. Оп. 1.
 Д. 151. Л. 129, 160.
 НА 3 – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 7.
 НА 4 – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 128. Л. 1, 24а.
 НА 5 – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 125. Л. 1, 2–3, 14.
 НА 6 – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 103.
 Газ. «Правда». 1950. 9 мая.